А. Н. Кириллов

**К ИСТОРИИ ВЫСЛАННЫХ В НОВГОРОДСКУЮ ГУБЕРНИЮ
В НАЧАЛЕ 1890-х ГОДОВ ПО ОБВИНЕНИЮ В
ПОСРЕДНИЧЕСТВЕ В НЕЛЕГАЛЬНОЙ
ЭМИГРАЦИИ В БРАЗИЛИЮ**

В конце XIX – начале XX в. политическая, экономическая и общественная жизнь в России переживала серьезный кризис, сопровождавшийся выступлениями народных масс, недовольных своим крайне тяжелым социальным положением, нарастанием революционного движения и активизацией противоправной деятельности радикальных партий. Одновременно с усилением националистических настроений на окраинах империи и других негативных процессов в стране наметился быстрый рост нелегальной эмиграции по экономическим причинам, охватившей, главным образом, южные и западные губернии страны.

Законная возможность временно покинуть пределы империи для российского подданного, в особенности для бедного сельского жителя, представляла серьезную проблему. Получение заграничного паспорта было возможно только в губернском центре и обставлено целым рядом бюрократических препон. Сначала требовалось оформить внутренний паспорт, затем получить свидетельства об отсутствии препятствий к выезду в трех-четыре инстанции. При этом существовали достаточно жесткие ограничения для выезда российского подданного за границу. Процедура, которая занимала несколько месяцев, завершалась у губернатора. Срок дозволенного пребывания за границей был ограничен пятью годами. Выезд на постоянное проживание в другие страны был запрещен для всех подданных России, за исключением евреев. Кроме того, получение заграничного паспорта стоило немалых, по меркам простых людей, денег. Все это порождало развитие нелегальной эмиграции и вызывало появление особого типа посредников, за определенную плату берущих на себя хлопоты, связанные с переходом границы¹.

Жителям приграничных районов западных губерний выдавались временные свидетельства, так называемые легитимационные билеты,

¹ Яновский С. Я. Русское законодательство и эмиграция // Журнал Министерства юстиции. 1909. № 4 (апрель). СПб., 1909. С. 86–114.

позволявшие местному населению законно пересекать границу. Ими, как правило, пользовались для устройства на сезонные работы в сопредельных странах и посещения проживающих в них родственников. При возможности агенты по переселению помогали получить желавшим покинуть родину такие билеты, вписывая их в число приграничных жителей. Но большинство переселенцев покидало рубежи отечества нелегально. В начале лета 1890 г. российская пограничная служба стала «наталкиваться на целые толпы переселенцев, желавших тайно перебраться через границу»². Среди коренного населения приграничных районов распространился своего рода «народный» промысел по ведению переселенческой пропаганды и посредничеству в переводе за границу.

Трудовая миграция из западных губерний России в Бразилию, начавшаяся в 1870-х гг., достигла своего пика в 1891 г. По оценкам исследователей, за последние 30 лет девятнадцатого столетия в Бразилию выехало более 50 тысяч человек. Однако оценить точный масштаб нелегальной эмиграции крайне затруднительно. Среди выезжавших в Южную Америку преобладали выходцы из Царства Польского, поэтому неудивительно, что основную часть переселенцев составляли поляки. В меньшем количестве эмигрировали немцы и литовцы³. Отток рабочей силы за границу был вызван, главным образом, тяжелым социально-экономическим положением, сложившимся для выезжавших на родине.

Пришедшее в 1890 г. к власти в Бразилии республиканское правительство приняло закон о льготах по заселению пустующих земель иностранными колонистами. Одновременно были назначены крупные правительственные премии пароходным компаниям, занимавшимся перевозкой эмигрантов в Южную Америку. На западных окраинах Российской империи широкое распространение получила переселенческая пропаганда. Особенно усердствовали в этом европейские пароходные компании, заинтересованные, кроме обещанных премий, в большем количестве перевозимых пассажиров. Эмиграционные службы таких компаний даже распространяли слухи о создании в южной Бразилии «польского государства». На территории привисленских и прибалтийских губерний империи возникла широкая сеть их агентов. Основными перевалочными базами для нелегальных переселенцев служили морские порты Бремена и Гамбурга⁴.

² Архив внешней политики Российской империи (далее – АВП РИ). Ф. 137. Оп. 475. Д. 104. Л. 81–89 об.; Яновский С. Я. Указ. соч. С. 86–114.

³ Кабузан В. М. Русские в мире: Динамика численности и расселения (1779–1989). Формирование этнических и политических границ русского народа. СПб., 1996. С. 314; Пивовар Е. И. Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М., 2008. С. 68–75.

⁴ АВП РИ. Ф. 137. Оп. 475. Д. 104. Л. 81–89 об.; Кабузан В. М. Указ. соч. С. 314; Пивовар Е. И. Указ. соч. С. 68–75.

Верховные власти, стремясь противодействовать негативному развитию событий, использовали комплекс чрезвычайных правовых мер, получивших отражение в ряде нормативно-правовых актов. Еще в 1881 г. Александром III по представлению возглавлявшего Министерство внутренних дел (далее – МВД) графа Н. П. Игнатьева было принято и утверждено «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия». Согласно одному из пунктов этого документа, высылка частного лица (подозреваемого в совершении преступления или ранее его совершившего) административным порядком в определенную местность империи с обязательством безотлучного пребывания в течение назначенного срока рассматривалась по представлению «подлежащей» (местной) власти в Особом совещании, созданном при министре внутренних дел. В состав такого совещания под председательством одного из товарищей министра входило четыре члена – по два представителя от МВД и Министерства юстиции. Принятое совещанием постановление представлялось на утверждение министру внутренних дел. Установленный срок высылки варьировался от года до пяти лет⁵. В ведении Особого совещания находились и дела по посредничеству в нелегальной эмиграции.

Новгородская губерния стала одним из мест ссылки обвиненных в причастности к тайному переселению русских в Бразилию. Первыми ссыльными из числа указанной категории, оказавшимися на Новгородской земле, стали крестьяне Ломжинской губернии⁶ Фома Рогинский, Иван Барзиковский [Борзинковский], Рафаил Главчинский и Владислав Домбровский. Они были приговорены Особым совещанием к трехгодичной высылке, начиная с 27 января 1891 г. Всего по делу проходило 16 человек из Щучинского уезда. Остальных, очевидно, этапировали в другие губернии.

21 марта 1891 г. трое из высланных прибыли в Новгород. По какой-то причине, возможно, из-за болезненного состояния Рогинский был отправлен по этапу позднее. Местом проживания для Барзиковского и Рогинского, жителей деревни Бялики гмины⁷ Грабово, назначили Крестцы. Тридцатилетний Барзиковский сумел устроиться черноработчим у временного купца Ф. В. Пикалева в Крестецкой ямской слободе. Рогинский же в силу его неизлечимого болезненного состояния никакого приработка не имел.

Весной 1892 г. по совету пользующего врача Крестецкой больницы Д. А. Крюковича Рогинский, «хворающий атрофическим сведени-

⁵ Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия 1891 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. I. СПб., 1885. С. 265–266.

⁶ Губерния на территории Царства Польского с центром в городе Ломжа.

⁷ Гмина – низшая сельская административно-территориальная единица в Польше.

ем кистей рук и хронической сыпью тела», обратился с прошением о предоставлении ему возможности бесплатного лечения минеральными водами в Старой Руссе. Вполне понятно, что в таком прошении ему было отказано. Несколько позднее, претерпевая «крайнее стеснение в материальных средствах к поддержанию своего существования» (от казны ему поступало месячное пособие в размере 2 руб. 40 коп.), не имея «ни знакомств, ни имущества, с которого мог получать сколько-нибудь доходности», не получая «посторонних средств к пропитанию себя ниоткуда» и не рассчитывая «на помощь со стороны», Рогинский решил обратиться к новгородскому губернатору с ходатайством о возвращении на постоянное место жительства на родину или об увеличении карманного довольствия. Но и в этот раз ссыльному было отказано. Через год, когда до конца срока надзора за ним оставалось немногим более 3 месяцев, от Рогинского поступило очередное прошение. Теперь его просьба о разрешении отправиться на родину была обусловлена отъездом из Валдая «покровителя», у которого он жил. Впрочем, на принятие подобного рода решения губернаторская власть не распространялась. Известно, что до окончания ссылки Рогинский снимал жилье у крестецкой мещанки Настасьи Малиной⁸.

В феврале 1894 г., в связи с окончанием срока надзора, Барзиковскому и Рогинскому были выданы «проходные средства» для проезда из Крестец на их родину⁹.

Домбровский и Главчинский, жители Щучинского уезда гмин Богуши и Грабово, соответственно, были определены на проживание в Валдае. Вслед за отбывшими по этапу ссыльными начальником Белостокской тюрьмы были отправлены старые часы для Домбровского и деньги в сумме 12 руб. на обоих, по всей видимости, переданные поднадзорным их родственниками. Долгое время двадцатидвухлетний Владислав Домбровский, не получавший никаких пособий, определенных занятий в Валдае найти не мог. Весной 1893 г. он обратился к властям с просьбой о переводе его в Боровичи, где «имеются заводы и промыслы, могущие дать средства снискать себе пропитание». Через уездного исправника ему было указано на то, что поднадзорный может ходатайствовать о переводе в любой город губернии, за исключением Новгорода, Боровичей и Старой Руссы.

Запасной канонир из крестьян Рафаил Главчинский в начале 1892 г. сумел поступить в услужение к помощнику надзирателя акцизных сборов П. П. Богомольцу. На этом месте он зарекомендовал себя настолько трудолюбивым, честным и исполнительным работником, что, когда чиновника стали переводить по службе из Валдая в Старую Руссу, то последний обратился к губернатору с просьбой о разрешении

⁸ ГАНО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 3243. Л. 1–11, 13, 15, 16 об. –17, 19–19 об., 25.

⁹ Там же. Ф. 117. Оп. 1. Д. 313. Л. 1.

переехать вместе с ним в качестве слуги семьи и Главчинскому. Разрешение на выезд с Богомольцем в Старую Руссу поднадзорному было дано. По неизвестным причинам Главчинский выразил желание остаться в Валдае. Скорее всего, это могло быть вызвано тем, что его покровителя перевели по службе вместо уездного в губернский центр¹⁰.

Ближе к окончанию срока ссылки поднадзорных валдайский исправник сообщал, что Домбровский и Главчинский занимаются в уездном центре земледелием¹¹. По-видимому, они работали на полях и огородах зажиточных крестьян.

16 февраля 1891 г. постановлением Особого совещания под гласный надзор полиции в Новгородскую губернию были сосланы содержащиеся под стражей в городе Ковно два жителя Сувалкской губернии¹² Викентий Эйдукевич и Юлиан Сухарский, обвиненные в подстрекательстве крестьян к переселению в Бразилию и содействии в тайном переходе через границу. Новгородский губернатор определил местом их ссылки Тихвин.

У крестьянина из местечка Вержболово Сувалкской губернии Эйдукевича 28 лет от роду в Ковно осталась только жена. Молодой мещанин посада Киберты Волковышского уезда Сухарский был холост. Общеустановленным этапным порядком в конце марта 1891 г. они были доставлены в Новгород. Сухарский при пересылке заболел и на короткое время был оставлен для лечения в губернском центре. Эйдукевич же был сразу этапирован в Тихвин. В конце апреля туда прибыл и Сухарский. Впоследствии ему было выдано пособие в размере 2 руб. 91 коп. Эйдукевичу, хоть и не имевшему иного имущества, кроме одежды, как человеку молодому и здоровому, к тому же знакомому со слесарным ремеслом, в пособии было отказано. Чтобы разделить вместе с мужем тяготы пребывания в ссылке, в Тихвин прибыла супруга Эйдукевича. Поначалу последний «жил в кучерах» у уездного врача Р. О. Сеневича. От работодателя он получал 3 руб. в месяц. Такой же доход имела его жена, взятая Сеневичем на место горничной. Эйдукевичи жили у врача на готовом содержании. Позднее, ввиду беременности своей супруги, глава семьи поступил сторожем на Тихвинский шлюз, где стал зарабатывать по 10 руб. в месяц. Жена поднадзорного, очевидно, после родов перебралась на родину, в город Волковышки. Срок надзора за Эйдукевичем, зарекомендовавшим себя хорошим поведением за время ссылки, закончился 13 февраля 1894 г.¹³ О судьбе Сухарского ничего не известно.

¹⁰ ПКНГ на 1893 год. Новгород, 1893. Ч. I. С. 10.

¹¹ ГАНО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 3243. Л. 36–37 об., 40–52, 55–57, 64–69.

¹² Губерния на территории Царства Польского с центром в городе Сувалки.

¹³ ГАНО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 3242. Л. 2–2 об., 6 об. –7, 11, 13, 17, 18 об. –19, 22, 24–25 об., 28 об. –29, 31 об.

Николай Собирай, житель гмины Радеев Нешавского уезда Варшавской губернии, весной 1891 г. был обвинен в тайной переправе эмигрантов через границу. Ему было 59 лет, и у него было семеро детей. Собирай был выслан в Новгородскую губернию на 2 года. Одновременно с ним тем же этапом был отправлен крестьянин местечка Юрбак Ботокской волости Россиенского уезда Ковенской губернии Осип Собецкий. У тридцатидевятилетнего крестьянина дома осталась жена с двумя малолетними детьми. Местом ссылки им назначили Демянск.

Собирай был «одержим старческим истощением» и помутнением обеих роговиц глаз. Еще до выселения доктора находили его не способным к труду. В его состоянии было совершенно невозможно найти хоть какой-то источник заработка в уездном городе. Более молодой Собецкий тоже не мог похвастаться особым здоровьем. Врачи определили у него хронический ревматизм мышц и костей. Поэтому летом 1891 г., не имея по болезни возможности «снискать себе пропитание» и находясь в бедственном положении, поднадзорные обратились к губернатору об исходатайствовании им денежного пособия от казны. К прошению Собирая и Собецкого присоединился отбывающий в Демянске ссылку мещанин посада Горай Замостского уезда Люблинской губернии Лаврентий Лазор. На запрос о положении семей поднадзорных из Варшавы пришло подтверждение, что Николай Собирай и его семья на родине никаким имуществом не владеют, то есть оказать ему помощь было некому. Впоследствии поступило распоряжение о «производстве от казны денежного пособия в размере арестантской дачи» Собираю и Лазору. Фамилия Собецкого среди «облагодетельствованных» не значилась.

Близилась зима, и осенью демянские поднадзорные подали новое прошение, теперь уже о выдаче пособия на зимнюю одежду и обувь. По «арестантскому положению» в комплект зимней одежды входили: шапка сермяжного сукна с подкладной холстиной, с отворотом на шею без подкладки и с ушами для завязки под бороду; рукавицы кожаные, варежки шерстяные вязаные или сшитые из сермяжного сукна; рубаха подкладочного сукна; двое портов; брюки широкие (шаровары) фабричного сукна с ремнем и пряжкой; баранья шуба «пола на полу»; армяк фабричного сукна с крючками и петлями; пояс из того же сукна, подшитый холстиной, с пуговицами на концах. Департамент полиции только в разгар зимы (8 января 1892 г.) признал возможным выдачу ссыльным денежного пособия на заготовку одежды и обуви в размере 45 руб. 75 коп. на всех. В дополнительном пособии на наем квартиры поднадзорным как лицам, не относящимся к привилегированным сословиям, было отказано.

Для так и не заимевшего никаких занятий, Николая Собирая, ведомого, согласно рапорту демянского исправника, жизнь «скромную»

и ни в каких проступках не замеченного, установленный срок надзора истек 16 марта 1893 г. Между тем как Собецкий в октябре 1894 г. успел еще раз получить пособие на одежду и обувь, а вскоре, согласно Высочайшего манифеста от 14 ноября 1894 г., его освободили из-под гласного надзора и дозволили возвратиться на родину¹⁴.

В середине июня 1891 г. Особым совещанием обвиняются и выселяются на 2 года в Новгородскую губернию житель деревни Любич гмины Добржевицы Липновского уезда Плоцкой губернии¹⁵ Иван Липинский за «тайные проводы разных лиц через границу и водворение контрабанды» и житель города Лодзи Иосиф Голя с дочерью Ядвигой (оба родились в Пруссии) за «содействие эмиграции русских подданных в Бразилию». Местные власти назначили им местом отбывания ссылки Устюжну. 8 августа 1891 г. они прибыли этапным порядком в Новгород и только через месяц оказались в Устюжне.

Не имея поначалу возможности приискать себе работу, поднадзорные написали прошение с ходатайствованием пособия от казны на содержание. Иосиф Голя ранее был портным, но по старости (62 года) и плохого зрения заниматься ремеслом не мог. Лодзинский полицмейстер подтвердил в ответе на запрос, что ни поднадзорные, ни их родственники каким-либо движимым и недвижимым имуществом не располагают. Однако Голя был в прошлом австрийским подданным, только в 1887 г. принявшим российское подданство, и потому, согласно определенным положениям свода законов, пособие ему не могло быть назначено. Позднее он обратился за пособием на приобретение одежды, белья и обуви. В январе 1893 г. на эти нужды ему было выдано 12 руб. 80 коп.

Двадцатилетняя Ядвига, по заключению врачей, страдала сильным малокровием и хроническим ревматизмом, отчего «черными» работами заниматься не могла. Впрочем, в пособии ей было отказано на основании того, что она портниха и может заниматься ремеслом. Незнание девушкой русского языка отрицательным образом сказывалось при поисках ею работы. Впоследствии ей удалось найти применение своих умений в портняжном деле. По сообщениям осуществлявших надзор полицейских, отец с дочерью вели «правильный» образ жизни и в «неблаговидных поступках» замечены не были. Установленный срок надзора за Голями закончился 19 июня 1893 г.

Совсем по-другому держался в ссылке девятнадцатилетний Иван Липинский. «Дерзкий в обращении» юноша характеризовался «неодобрительным» поведением. Уездный исправник сомневался в его нравственной и политической благонадежности. В апреле 1892 г. в

¹⁴ ГАНО. Ф. 117. Оп. 1. Д. 323. Л. 21; Ф. 138. Оп. 1. Д. 3241. Л. 1–4, 6, 8 об., 10–12, 19–20 об., 22–24 об., 27–27 об., 30–30 об., 32, 36–36 об., 39, 41 об. –42, 44, 47, 49.

¹⁵ Губерния на территории Царства Польского с центром в городе Плоцк.

Устюжну поступило указание во исполнение приговора Плоцкого окружного суда, бывшего еще осенью 1890 г., но утвержденного Варшавской судебной палатой только в заседании 18 ноября 1891 г., подвергнуть Липинского за сопротивление должностным лицам двухмесячному заключению в местную тюрьму. Что и было исполнено местными представителями закона.

Прошение Липинского о пособии не было удовлетворено по причине того, что его родители на родине имели недвижимую собственность, состоящую из двух жилых домов и 175 прентов¹⁶ земли, и имели возможность оказать материальную поддержку сыну, да и самому молодому человеку здоровье вполне позволяло заниматься трудом. Позднее, так и не найдя постоянных занятий, он иногда летом нанимался на работу в садах, а зимой убирал и вывозил снег с улиц и дворов обывателей¹⁷.

Летом 1891 г. после рассмотрения дел в Особом совещании за участие в пропаганде по переселению в Бразилию в Новгородскую губернию сроком на три года под надзор полиции должны были выслать крестьян гмины Гулов Луковского уезда Седлецкой губернии¹⁸ Григория Антоновича Матенко (Матенько) и Антона Францевича Шиманского (Шимановского). В конце августа 1891 г. Новгородский губернатор определил местом их жительства Тихвин. Однако их пересылка оказалась задержана до разрешения возбужденного прокурором Варшавской судебной палаты судебного дела о названных лицах. Срок до рассмотрения дела обвиняемые провели в Седлецкой тюрьме. Только в марте 1892 г. Седлецкий окружной суд вынес им оправдательный приговор, который, впрочем, совсем не отменял решения Особого совещания, а лишь избавил поднадзорных от более тяжелой участи, т. е. тюремного заключения или каторги.

После предоставленного им по завершении суда двухнедельного срока для устройства своих дел с родными Матенко и Шиманский были отправлены военным этапом в арестантском поезде в Новгород. У Матенко без кормильца на родине осталась жена с двумя дочерьми. Семья Шиманского была более многочисленной и состояла из супруги, трех сыновей и двух дочерей. В губернском центре ссыльные оказались только 30 апреля 1892 г. и уже на следующий день этапным порядком были отправлены в Тихвин. По прибытии в уездный город за ними был установлен гласный надзор полиции.

В марте 1893 г. новгородскому губернатору поступило прошение от Антона Шиманского. Поднадзорный из-за отсутствия в Тихвине

¹⁶ Прент – мера земли в народной метрологии ряда регионов.

¹⁷ ГАНО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 3245. Л. 1–3 об., 9–10, 19–21, 24–25, 27–31 об., 33–33 об., 41, 44 об. –45, 53, 54 об. –55 об.

¹⁸ Губерния на территории Царства Польского с центром в городе Седлец.

«положительно всяких заработков» не имел возможности «снискать себе пропитания». Он вынужден был прибегать к помощи местных обывателей. Шиманский просил начальника губернии разрешить ему перебраться под надзор в какой-либо другой уездный город, например, Боровичи, Старую Руссу или Череповец, где более развита промышленность и где легче найти работу. Ходатайство о переводе, как не имеющее к тому законных оснований, власти оставили без последствий. В конце концов, ему удалось устроиться вольнонаемным в земскую больницу за месячную оплату в размере 5 руб.

Матенко посчастливилось служить рабочим на складе купчихи Лохвицкой, где он получал по 10 руб. в месяц. Елизавета Тимофеевна Лохвицкая была вдовой купца 2-й гильдии и тихвинского городского головы И. В. Лохвицкого. Последний приходился дядей известной поэтессе того времени Мирры (Марии) Лохвицкой.

17 августа 1894 г. у обоих ссыльных заканчивался срок надзора. Из рапорта тихвинского исправника следовало, что поднадзорные за время ссылки отличались хорошим поведением и ни в чем предосудительном замечены не были¹⁹.

Белозерск оказался местом ссылки для крестьянина Радинского уезда Седлецкой губернии Устина Циока, обвиненного в тайном переводе разных лиц за границу. Особое совещание в апреле 1892 г. приговорило его к высылке под полицейский надзор на 3 года. В середине лета 1892 г. он прибыл в Новгород, где был заключен в городскую тюрьму для последующего отправления установленным порядком в Белозерск.

В начале августа 1894 г. Циок обратился с прошением о разрешении ему отлучки в местечко Топорню Кирилловского уезда на земляные работы Доманевского. Препятствий к такому перемещению поднадзорного со стороны кирилловского исправника не встретилось. Наблюдение за Циоком было поручено полицейскому уряднику 1-го стана, имевшему квартиру в селе Берег Спасской волости невдалеке от Топорни. Деревня Топорня находится у начала Северо-Двинской водной системы, соединяющей Шексну с Северной Двиной. Там расположен первый шлюз системы. Возможно, земляные работы были связаны с прочисткой или углублением русла канала.

Надзор за Устином Циоком прекратили 31 марта 1895 г. Супруга Циока с четырьмя несовершеннолетними детьми во время ссылки мужа проживала в Челябинском уезде Оренбургской губернии²⁰.

Подведем некоторые итоги. Обвиненные в пропаганде и переводе через границу жители западных губерний, высланные в Новгородскую губернию под гласный надзор полиции сроком на 2-3 года, обычно распределялись группами по 2 человека в уездные центры, за исключе-

¹⁹ ГАНО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 3240. Л. 1–3, 9–10 об., 12–16, 17 об., 18, 24–28, 30.

²⁰ ГАНО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 3259. Л. 1–3 об., 5, 8–10, 14–15 об., 16а, 17–17 об., 19–21 об.

нием Новгорода, Боровичей и Старой Руссы. В удаленных, лишенных промышленности городах им было крайне трудно обжиться и найти себе работу. Незнание русского языка и болезненное состояние части ссыльных еще больше усугубляли их тяжелое положение. Некоторым удавалось устраиваться чернорабочими на временные работы или в качестве прислуги. Примечательно, что среди редких «покровителей» поднадзорных обычно оказывались люди, имевшие польские корни. Нетрудоспособные и особо неимущие получали от казны небольшое месячное пособие и деньги на одежду по «арестантскому положению». Согласно донесениям полиции, сосланные, как правило, вели тихий образ жизни и ничего предосудительного не совершали. По окончании срока надзора они возвращались на родину к семьям.

Между тем, подавляющее большинство из нелегальных переселенцев оказывались в Южной Америке не в менее бедственном положении, чем их «проводжатые». Немногим удавалось устраиваться в качестве поденных рабочих на существующие уже кофейные и сахарные плантации. Власти Бразилии использовали прибывших, главным образом, для освоения новых труднодоступных территорий. Особенно страдали те переселенцы, кто оказался в тропических провинциях. Выходцы из Восточной Европы, непривычные к жаркому и влажному климату, незнакомые со здешней почвенной и растительной средой, неопытные в борьбе с местными животными и насекомыми, ежечасно сталкивались с серьезными, а нередко и непреодолимыми трудностями и опасностями.

В отчетах МВД появились сообщения, что к российским консулам в Южной Америке все чаще стали являться русские эмигранты с просьбой вернуть их на родину. Потратившие, как правило, все свои скудные сбережения на дорогу, обнищавшие, они умоляли о помощи. Российские власти поначалу признавали нецелесообразным расходование казенных средств на выделение пособий тайно покинувшему страну подданным. Впоследствии правительство согласилось разрешить официальным представителям в латиноамериканских странах оказывать «в крайнем случае и при настоятельной необходимости денежную помощь возвращающимся на родину неимущим переселенцам из коренного крестьянского сословия» и выдавать им визы на въезд в Россию²¹.

Уже после революции начнется новая волна эмиграции в страны Латинской Америки из России. Тогда в числе переселившихся в Бразилию русских эмигрантов окажутся и выходцы из Новгородской губернии.

²¹ АВП РИ. Ф. 137. Оп. 475. Д. 104. Л. 81–89 об.